

рассказ

Точка возврата

Къелла (Людмила Пельгасова) родилась (1982) в Казани в семье потомственных инженеров. Окончила художественную школу, французскую гимназию с серебряной медалью, Энергоуниверситет с красным дипломом. Работает в энергетике, пишет стихи и прозу, работает в графике и живописи. Публиковалась в «Казанском альманахе», «Идели», в сети на порталах «Стихи.ру», «Проза.ру» и т. д. Увлекается авиацией. На её счету 12 прыжков с парашютом, на её руках свидетельство частного пилота. Основная тема творчества Къеллы – авиация и небо...

Къелла

121

Я шла по открытой зелёной равнине. Странно: деревьев здесь совсем не было, зато трава – как показывают в английских фильмах – настоящий цивилизованный газончик. Вот только размером он с хорошее колхозное поле, и конца-краю ему не видно.

Удивительное ощущение мягкости не покидало меня. Можно было даже не касаться травы, а просто подпрыгнуть и зависнуть в воздухе. Всё происходило как в кино, в замедленной съёмке.

Ландшафт равнины иногда нарушали холмы, расположенные то грядой, то поодиночке. Забавные холмы. Наверное, там живут ежи. И холмы-дома похожи на своих хозяев – круглые, колючие. Только зелёные. А вот ещё: посередине – возвышенность, а по краям она резко сходит на нет, прямо шляпа в профиль. Да нет, не шляпа... А-а, это удав проглотил слона, да так и остался, травой зарос.

Странные мысли... Будто не мои вовсе. Удав, проглотивший слона... Неужели я это придумала сама? Вряд ли. А равнина, действительно, странная. С воздуха она, должно

быть, похожа на мягое зелёное шерстистое одеяло.

С воздуха... И снова – откуда это? Откуда?! С воздуха! Конечно! И тут я поняла, почувствовала то, что должна увидеть.

За тремя холмами, на берегу озера стоял... самолёт. Самый настоящий «Лайтнинг» времён Второй мировой войны. Крылья, хитро и хрупко скреплённые между собой суставами мотогондол, двухбалочный хвост, тускло поблёскивающие стёкла кабины, словом, настоящий антиквариат.

Поближе... Я, кажется, не сделала ни единого шага, но самолёт теперь оказался совсем рядом. Шасси у него криво вросли в землю. Похоже, что здесь произошла какая-то авария. Но пилот молодец – всё же сумел посадить свою крылатую штуковину на ноги, а не на голову. Но, всё равно, лужайка не взлетно-посадочная полоса, вот и зарылись шасси. Теперь на нём не полетаешь.

И тут... Я привыкла уже к полной безлюдности этих мест, и появление человека меня почти испугало. Но, тем не менее, так оно и было. У самолёта сидел на корточках человек и замасленной тряпкой перетирал какие-то детали в одном из открытых люков, которых в брюхе и боках самолёта было множество.

Очень много вещей сразу указали мне на одно и то же. Не знаю, что именно: триколор на фюзеляже, песенка, сильно напоминающая «La Marseillaise» или ещё какое-то чутьё заставило меня обратиться к человеку по-французски:

– Bonjour, monsieur! Qu'un Dieu aide vous en votre travail!

От неожиданности мой собеседник подскочил и чуть не ударился головой о свой летательный аппарат. Медленно, очень медленно он повернулся...

Я не отличаюсь хорошей памятью на лица, иногда и вовсе путаю людей. Наверное, это происходит оттого, что плохо вижу издали, отчасти оттого, что мой взгляд художника зачастую находит в двух непохожих людях род-

ственные черты, незаметные для других. Но это лицо я вспомнила, хоть никогда прежде его не встречала. Да и не могла встретить, ибо этого человека уже давным-давно не было в живых. Это лицо смотрело на меня со страниц школьного учебника французского языка. Раздел «Современные французские писатели». Рядом с Анатолем Франсом, Франсуа Мориаксом, Франсуазой Саган и прочими непременно помещался круглоголовый, коротко стриженный улыбающийся человек в лётной пилотке. Да, именно так. И именно этот человек со страниц моей книги сейчас стоял передо мной. Выражение лица – растерянное, пилотки нет, а в руках – грязная тряпка. На лице – морщинки, ничего не подделаешь – годы! Но я всё равно узнала его. Это его глазами я смотрела там, на равнине. Потому, что это – его мир!

– Monsieur Antoine? – полутвердительно-полувопросительно выдохнула я. Угадала. Он улыбнулся и опустил руки. Тряпка исчезла где-то за спиной или в кармане.

– Да, мадемуазель, это я. Но боюсь, что мы с вами не знакомы.

Он улыбался мне, как первому встреченному им за много лет человеку. Наверное, вот так же Робинзон Крузо радовался Пятнице. И говорил он осторожно, будто боясь спугнуть собеседника. Не знаю почему, но я тоже чувствовала, что не могу, просто не могу позволить себе говорить с ним резко. И поэтому я просто ответила:

– Я читала ваши книги.

Это была ложь. Конечно, никаких книг Экзюпери я не читала, если, конечно, не считать включённых в школьную программу французской гимназии № 9 отрывков из «Terre des hommes» и, кажется, «Vol de nuit». Но зато я читала о нём самом. Отвечая по билету «Мой любимый писатель», на экзамене я неизменно выбирала Антуана Сент-Экзюпери. Точно помню, что родился он в 1900 году в Лионе, а умер... Погодите-ка! Он же не умер. Там стоит дата: 31 июля 1944, но... В тот день он вылетел из Борго на Корсике и... боль-

ше не вернулся. Он что же, исчез попросту? Надо будет спросить его про тридцать первое июля...

Ну, а пока... Кажется, его обрадовало и удивило то, что я знакома с его творчеством. Хорошо, что он не знает, насколько поверхностно...

– А что вы читали? – поинтересовался господин Экзюпери, всё также улыбаясь и глядя в глаза. Это просто была его манера разговаривать. Смотреть собеседнику в глаза. Всегда. Мне стало немного стыдно за свою ложь.

– «Полёт в ночи», «Планета людей», а ещё... Там, на поляне я заметила странный холм. Он выглядел как шляпа или как удав, проглотивший слона. Это ведь из «Маленького Принца», да?

Он засмеялся негромко, потом вдруг присел и палочкой быстро изобразил на земле фигуру, напоминающую шляпу с полями, а затем в том месте, где шляпа надевается на голову, вывел слоника на двух неровных ногах, со свёрнутым хоботом, бивнями и хвостом. Получи-

лось, что исполинская змея целиком проглотила серого ушастого потомка мамонтов. Это и, правда, было забавно, а, главное, остроумно и необычно.

– Я читала больше о вас, чем ваши произведения, – наконец призналась я.

– Обо мне? Что и где вы могли обо мне читать? Я уж не настолько известен, чтобы обо мне писали газеты... Разве только, – улыбнулся он, – моё личное дело?

Но я не улыбалась. Мое лицо приняло серьёзное выражение. Я так делаю иногда, чтобы убедить кого-либо.

– Там, откуда я родом, – сделала я паузу, – вы очень известны. Ваши произведения относят к классике. В школьные учебники входят... – Я замаялась. – Отрывки из них...

Странно, но господин Антуан ничуть не удивился, не стал расспрашивать. Он вообще говорил не очень много, точнее, не так много, как человек, соскучившийся по общению. Он редко задавал вопросы, и мне показалось, что

ему ведомо очень многое из того, о чём он знает будто бы и не может. Так и сейчас: он понимающе-печально кивнул коротко стриженной седеющей головой.

– Какой год? – просто спросил он.

– У нас сейчас две тысячи второй. Новый век. Новое тысячелетие.

Небольшое удивление мелькнуло в его глазах и пропало.

– Надо же... Шестьдесят лет... Нет, пятьдесят восемь. – Он взглянул на меня. – А страна?

– Россия, – ответила я. Заметив его замешательство, уточнила: – Бывший Советский Союз.

Он понял, и я продолжила:

– А вы сразу догадались, что я не из Франции?

– Да-да, пожалуй... У вас произношение другое, и речь... – Он призадумался. – Слишком правильная, что ли. Французы так не говорят. А, впрочем, может быть, и говорят теперь. Но я вначале решил, что вы из Канады.

– Из Квебека? – уточнила я со смехом. Он засмеялся в ответ, кивая головой. И я поняла, что не лгали строки, описывающие внешность Сент-Экзюпери: собранный, внимательно-любопытный взгляд, негромкий голос, тихий заразительный смех. Как будто я всю жизнь знала этого человека. И правда, с ним нельзя было встретившись не подружиться. Думаю, поэтому он и стал писателем. Известным и любимым.

Давно замолк смех, наши лица вновь приобрели серьёзное выражение, но в глазах господина Антуана, окружённых морщинками, до сих пор прыгали искорки – эхо, осколки радости и веселья.

Меня охватило странное ощущение: я уже ничему не могла удивиться, я потеряла границу между реальностью и его фантазиями. Я приняла созданный им мир – или этот мир принял меня? И так просто, так легко и естественно прозвучал мой вопрос, как будто я услышала его со стороны:

– Вы умерли?

Он призадумался, словно над трудной задачей, потом усмехнулся:

– Теперь-то уже, скорей всего, да.

– А тогда? – Я твёрдо взглянула ему в глаза. – Тридцать первого июня тысяча девятьсот сорок четвёртого?

– Боюсь, я мало чем смогу вам помочь. – Он виновато вздохнул. – Я и сам не знаю, что произошло тогда. – Сент-Экзюпери взглянул на меня... – Верите мне?

– Конечно, мсье Антуан. Что вы видели тогда?

– Свет. Много света. Будто по безоблачному небу прошла трещина, и из неё хлынули лучи. Эти лучи слепили меня, и я боялся, что потеряю управление или просто собьюсь с курса. А потом... Голубое вокруг... и белое. Кажется, я провалился в эту дыру.

– С самолётом?

Вместо ответа он указал на свой «Лайтнинг». Мы помолчали.

– Тогда почему же вы спросили, какой сейчас год? Вы не считали сами?

Он ответил тихо, будто шелест песка в песочных часах:

– Пробовал однажды, но сбился со счёта. Видите ли, здесь невозможно понять, сколько лет прошло. Вот сколько, по-вашему, мы уже с вами разговариваем?

Я прикинула в уме: не больше сорока минут.

– Ну вот, – сказал он, когда я поведала ему о своих подсчётах, – вы ещё чувствуете время, а я – уже нет. По-моему, прошёл день.

После этого и я начала сомневаться. А вдруг, и правда, у меня просто замедленные ощущения. Возможно, время здесь течёт по-другому...

– Здесь вообще нет времени, – вдруг ни с того ни с сего, словно прочитав мои мысли, произнёс Сент-Экзюпери. Всё ещё не веря, я взглянула на него.

– Я... раньше думала, что все эти... м-м... дыры во времени бывают только в фантастических романах, – выдавила я из себя.

Господин Антуан усмехнулся:

– Самое любопытное в том, что здесь невозможно понять, наяву мы или нет. Неизвестно, существуем ли мы реально.

– Вы точно существу... существовали, – поправила я. – Мы ведь читаем ваши книги. Я... я тоже, наверное, существую. Ну, во всяком случае, час назад я ещё существовала...

Это звучало глупо, но я действительно ни в чём не была уверена. Как вообще можно узнать: жив человек или уже нет?

– Трудный вопрос. Вы ведь сказали, что теперь – второй год нового тысячелетия. Понятное дело, что человек не может жить целых сто лет. То есть я давно должен был умереть если не от несчастного случая, как многие лётчики, то хотя бы просто от старости. Однако сами видите, я ведь здесь. И к тому же ещё одна вещь...

– Какая?

– Когда я провалился в эту... дыру, мне едва исполнилось сорок четыре. С тех пор, как вы сами сказали, прошло пятьдесят восемь лет.

– Вы перестали меняться! – догадалась я.

– Верно, – согласился Экзюпери. – Хотя сейчас я ещё более стар для полётов, чем тогда. Подумать только, они говорили, что мне уже поздно летать! – воскликнул он и взглянул на меня, ища поддержки. Я на всякий случай кивнула, ожидая продолжения, но его возмущение угасло так же быстро, как и появилось. Снова передо мной сидел немолодой, коротко стриженный человек с пронизательным, всё схватывающим взглядом и печальной улыбкой. Лётчик и писатель, философ и гуманист, участник войны, закончившейся за много лет до моего рождения. Теперь он оказался здесь, где ему и должно было оказаться. В своём мире. В мире, где нет времени, нет войн, нет злобы. В мире, где в глазах застывает ВЕЧНОСТЬ. Вечность – это каменный цветок, не жизнь, но и не смерть. Просто вечность...

Но это – его мир, его судьба. А я? Неужели я тоже умерла? Меня, что же, нет?

Многие земные владыки хотели приблизиться к богам, правдами и неправдами добыть секрет «вечной жи-

ни»... и не понимали главного – само слово «жизнь» предполагает наличие слова «смерть». Жизнь не может быть вечной, ибо тогда она перестанет быть жизнью. А Вечность... Она и так приходит к нам.

Но нет же. По дороге Жизни, через врата Смерти, это мы совершаем к ней свой путь. Забавно: все, желавшие вечной жизни, так или иначе, в конце концов, обрели то, к чему стремились. Только это – уже иная форма бытия и совсем другая история.

Но я... Я ещё не готова к этому. Я знаю – путь мой ещё не окончен, и, хотя никто не знает, где они – врата конца пути – но... Пока жив, живи.

– Господин Антуан! – позвала я. Мне нужна была его помощь. И он поднял взгляд. Возможно, он понимал многие из моих мыслей и мог мне помочь. Его вид успокоил меня, и я задала вопрос, на который боялась услышать ответ:

– Как вы думаете, я умерла?

Он пожал плечами.

– Я много раз задавал этот вопрос себе самому, и не смог на него ответить. Думаете, я в силах вам помочь? Однако, по-моему, вы должны быть живы.

– Тогда почему я здесь? Как смогла сюда попасть и смогу ли вернуться обратно?

Тепло глянули всезнающие глаза, и у меня в который раз появилось ощущение собственной незначительности.

– У человека есть душа, и все знают, что после смерти она покидает свою телесную оболочку. Но иногда такое случается при жизни, когда срок ещё не подошёл, и тогда душа возвращается обратно.

– Хотелось бы верить, – буркнула я.

– Верьте, – серьёзно сказал мне Сент-Экзюпери. – Верьте обязательно. Верьте, и боль обойдёт вас. Верьте, и вы поймёте, что на свете бывает даже то, чего не бывает. Поймёте так же, как это понял я.

– Вы можете мне... вернуться? – тихо спросила я.

– Да. Идёмте. – Он поднялся и зашагал в сторону холма-удава, за кото-

рым пряталась от наших глаз равнина Фантазий. Я следовала за ним на почтительном расстоянии: гость всегда пропускает вперед хозяина. Он действительно был здесь истинным хозяином: всё то, что я видела вокруг, было плодом его воображения. И вот что ещё странно: я не могла ничего придумать в дополнение к уже существующему. Невозможно изменить чужие мысли.

Человек вырубает леса, поворачивает вспять реки, осушает болота, но... Он не может сделать всё это силой мысли! Мы считаем себя хозяевами своей планеты, не понимая того, что на ней мы – только гости. И истинный Хозяин Земли – тот, плодом, чьих дум она явилась на свет. Лишь сам Создатель волен исправлять сотворённое им. Ну, а мы... Мы можем только копать, долбить, придумывая себе в помощь всё новые и новые машины, и думаем, что сможем изменить всё, разрушить старый мир, надоевший нам, как выросшему ребёнку надоедают погремушки. Люди тщатся создать себе новый мир своими замыслами и... ошибаются!

Я вновь видела ту же самую зелёную траву, покрывавшую горы и холмы плотным ковром. Если где-то человек и сможет создать что-либо, воплотить свои мечты в зрительные материальные образы, то это место – именно здесь! Я думаю, что каждого из нас ждут: кого – горы, кого – морское побережье, кого – берёзовая роща... Всё, что угодно, но потом. А сейчас – надо идти.

Господин Антуан шагал впереди. Шёл достаточно быстро, но я отставала только из приличия. Меня удивляло то, что у лётчика (пусть и бывшего), много часов проведенного в пилотском кресле, такая уверенная походка. И тут я заметила: он не касается земли! Перевела взгляд на свои ноги и ахнула – земля мелькала подо мной на расстоянии ладони от моих подошв. Покачала головой: лётчик – он и есть лётчик, и все мысли у него такие. Ишь, придумал – не ходить, а летать. И чтобы другие летали!

Вероятно, я ещё долго могла бы зависать в воздухе, отталкиваясь от земли и вновь зависать, но тут я заметила, что путь наш окончен, – я снова стою на том же самом месте, где ко мне впервые пришло ощущение полёта. Я остановилась и раскинула руки как крылья. Посмотрела в небо. Оно всегда притягивало меня. Вот и сейчас я хотела взлететь. Всё равно как: на самолёте или просто так, раскинув руки.

Но тщетно я пыталась оторваться от земли – я вновь стала тяжёлой и с болезненной чёткостью ощутила все пятьдесят килограммов собственного тела. Это было ужасно. Мне ещё никогда так не хотелось взлететь, и ещё никогда это не было столь невозможным!

– Не могу... – прошептала я в отчаянии, чуть не плача. – Не могу летать...

И вдруг... Снова это чужое вторжение в мои мысли: из всего того, что может летать, нет ни одного предмета легче воздуха: птицы, бабочки, люди. Но это не значит, что всё потеряно.

Я заулыбалась сквозь слезы. А вдруг получится? И тихим шелестящим смехом в голове: «Набор двести метров». Я не представляла себе, что должно произойти дальше, но мне неизвестно отчего стало радостно. И я твёрдо знала, что это холмистое место выглядит с воздуха пушистым и мятым зелёным одеялом, вроде того, какое было у меня в детстве. Это было настолько знакомо, что я ничуть бы не удивилась, увидев всё это СВЕРХУ. И я посмотрела вниз.

Это и правда была та самая равнина с грядами возвышенностей, поросшими зеленью. Вон там – удав, проглотивший слона, а где-то рядом прилепился крошечной стрекозой самолёт, но только всё это было очень далеко внизу. А выше – была я.

Медленно уплывала весёлая зелёная поляна, исчезало солнце, будто навсегда оставшись там греть колючие бока холмов, крылья старого самолёта, поблёскивать на стёклах кабины и радовать того, кто оставался там среди своих обретших форму грёз.

Серое... всё вокруг сплошь серое. Заунывный вой ветра в закрылках. Нет у меня, конечно, никаких закрылков и крыльев нет. Это я одна лечу, путаясь в клочьях сырого холодного тумана и свинцовой сырости. А внизу ничего не видно: только туман иногда светлеет и будто бы рассеивается, но потом тяжёлые лохмотья затягивают всё. Хотелось бы знать, чей это мир. Неужто в чьих-то мечтах могла жить промозглая сырость и безжизненные клубы тумана?

Туман внизу чуть разошёлся, лениво распуская белые хвосты, приоткрылся кусок серо-зелёного, эдакая заплатка на мрачном унылом фоне. Это была земля. Мокрая, поросшая чахлой

травой, такая же тоскливая, как и небо. И вдруг... я заметила лежащее тело. Снизаться!

Всё ближе земля, всё ближе. Да, тело – вот оно! Это... О, нет! Это же... я. Беспомощно опустила я на колени возле своего тела. Что же делать теперь?

А потом из ниоткуда пришёл ответ:

– Идущий волен сойти с дороги, но если путь твой не закончен, то ты обязан вернуться и продолжить его. Твоё место – там, среди живых, а здесь, в безвременье... Что ж, однажды ты снова окажешься здесь, но тут уж никто не виноват – у всего на свете есть конец...

И я поняла, кто мне его подсказал.

Рис. автора

Поздравляем с чемпионством

в первенстве Татарстана по быстрым шахматам члена редколлегии «Казанского альманаха», поэта Филиппа Пираева!..

Чемпионат Татарстана по быстрым шахматам прошёл в сентябре с. г. в Казани. В нём приняло участие более 50 шахматистов республики. Мастер ФИДЕ Филипп Пираев провёл девять игр. В них он одержал семь побед, две встречи свёл вничью и только одну проиграл. В результате – первое место и чемпионство в шахматном турнире, где главенствующую роль играет быстрота мышления. Как говорится, талантливый человек талантлив во всём. От всей души поздравляем собрата по перу с замечательной победой!

Редколлегия «КА»